

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ И. Г. ГЕРДЕРА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РОССИЙСКУЮ ИСТОРИОГРАФИЮ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX века

А. В. Афонюшкина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 июля 2012 г.

Аннотация: в статье рассматриваются исторические взгляды немецкого мыслителя второй половины XVIII в. И.Г. Гердера и влияние, которое оказали его идеи на российскую научную и общественную мысль второй половины XIX в. Интерес к трудам немецких исследователей в области всеобщей истории был характерной чертой научной жизни России, но этот аспект российской университетской историографии всеобщей истории до сих пор не становился предметом специального рассмотрения исследователей.

Ключевые слова: российская и германская научная мысль, философия, историография всеобщей истории.

Abstract: the article is concerned with the historical ideas of German scientist I.G. Herder and the influence of his historical conception on Russian scientific thought in the second half of the 19-th century. It is the first elaboration of this subject.

Key words: Russian and German scientific thought, philosophy, historiography of the main problems of world history.

Достижения немецкой философской и исторической мысли привлекали внимание профессуры российских университетов, писателей и публицистов в течение всего XIX в. Причины этого интереса заключались в характерных для немецких ученых качествах: в постановке и решении общих вопросов исторического развития, в стремлении не ограничиваться частностями. Российским мыслителям и ученым представлялась важной не только фактическая сторона исторических сочинений, но и методологические позиции, с которых велось изложение материала.

«Универсальный характер» немецкой историографии, «которым не может с нею соперничать ни одна историческая литература», был отмечен в 1861 г. будущим профессором Харьковского университета М. Н. Петровым (1826–1887): «Обнимая своими исследованиями историю всех времен и народов, она уже по этому одному сделалась единственным и неизбежным основанием всякого серьезного исторического образования». С этим же Петров связывал и тот факт, что «только в немецкой литературе при ее изумительном богатстве разнообразнейших специальных исследований мог возникнуть целый ряд лучших... «всеобщих историй» [1, с. 2].

Задача настоящей статьи – рассмотреть исторические представления Иоганна Готфрида Гердера (1744–1803) и показать их влияние на развитие российской общественной и исторической мысли второй

половины XIX в. Помимо М. Н. Петрова к творчеству Гердера обращался профессор Санкт-Петербургского университета М. М. Стасюлевич (1826–1911) [2]. Взгляды Гердера представлены в вышедшей на рубеже XIX–XX вв. работе Р. Ю. Виппера (1859–1954), характеризующей достижения и идеи немецких историков XVIII и XIX вв. [3]. Заслуживает упоминания статья известного историка славянской литературы А. Н. Пыпина (1833–1904) в «Вестнике Европы» [4].

В советской исторической науке характеристика взглядов Гердера как медиевиста дана в ряду немецких историков эпохи Просвещения О. Л. Вайнштейном, Е. А. Косминским [5]. Творчеству Гердера в целом посвящали исследования прежде всего философы [6, 7, 8]; оно рассматривалось в отечественной филологической науке. В частности, глубоким знатком литературного наследия Гердера был В. М. Жирмунский [9].

На развитие немецкой исторической мысли глубокий отпечаток наложили гуманизм и Реформация. Под знаменем борьбы протестантизма и католицизма развивались сотрясавшие «Священную Римскую империю» на протяжении XVI и XVII столетий внутренние противоречия, которые усугублялись постоянным вмешательством извне, достигли кульминации в ходе Тридцатилетней войны (1618–1648) и завершились глубочайшим политическим упадком Германии. Эта борьба выдвинула на передний план сложные, запутанные и неразрешимые в тогдашних гер-

манских условиях вопросы государственного: имперского, княжеско-территориального, городского, церковного и международного права.

С XVI в. в центре внимания науки стояли теологические и филологические вопросы, определявшие ее историческую проблематику. Наиболее сильной стороной немецкой исторической мысли была филология, выдвинувшая в первые ряды историков таких своих представителей, как Ф. А. Вольф и Б. Г. Нибур, германисты братья Я. и В. Гримм и ряд других.

«Под покровительством и руководством этих трех сильных владычиц старого германского образования – теологии, филологии и особенно права – стала делать «история» первые робкие попытки из летописной и мемуарной формы, наследованной от средних веков, организовать в науку», – справедливо подчеркивал М. Н. Петров [1, с. 8].

Преподавание истории как отдельной отрасли знания было введено в немецких университетах с начала XVIII столетия. Были предприняты первые попытки связного и последовательного изложения материала имперской истории. Их авторы рассматривали историю лишь как введение в науку германского государственного права. «Что касается внешней формы, литературной стороны этих систематических сборников исторического материала..., то едва ли в наше время найдется любитель истории с таким запасом самоотвержения, чтобы отважиться на подобное чтение, – писал М. Н. Петров, давая общую характеристику подобного рода исторической литературы. – Геттингенские учебники служили для них в этом отношении образцом. Написаны они, большею частью, педантским варварским языком. В тщательно распланированных параграфах, как на полках архивного шкафа, размещен исторический материал в бесчисленных трудолюбивых эксерцптах, снабженных точными цитатами. Сам историк не принимал никакого внутреннего участия в собранных с таким трудолюбием фактах. Холодным и бесстрастным сторожем стоял он у своей кладовой, заботясь только о том, как бы побольше накопить этих сокровищ, сберечь накопленное трудами других и все распределить в надлежащем порядке, чтобы легко было найти – кому что понадобится, богослову ли, филологу или юристу. Немецкая историография прошла потом много ступеней, но эта сухая, схоластическая форма добрых геттингенских времен отзывалась в ней еще очень часто. Нужно было много литературных и социальных влияний, нужен был весь ядовитый сарказм Гейне, чтобы окончательно вытеснить ее из литературы...» [1, с. 9–10].

Решающий сдвиг в развитии немецкой исторической мысли связан был с Просвещением, которое представляло собой в политической обстановке германской раздробленности значительно менее цельное

и значительно более сложное явление, чем во Франции и в Англии. Социально-исторические идеи французских и английских просветителей оказали мощное воздействие на представителей немецкой интеллигенции из университетских кругов и чиновничьей среды, в том числе и из рядов ученых-теологов и протестантских пасторов. В царившей в Германии атмосфере, на фоне ее культурных и научных – теологических, гуманистических, правовых традиций эти идеи выступали в различных, подчас противоречивых сочетаниях, в отвлеченной от действительности абстрактной форме, приобретая своеобразные черты. При этом предвосхищалось частично и то, что ассоциируется обычно с романтизмом. В результате грань между просветительскими течениями конца XVIII в. и романтическими веяниями начала XIX столетия оказывалась порой относительной и условной, и это особенно отчетливо проявилось у Иоганна Готфрида Гердера, творческое наследие которого вошло в историю немецкой исторической мысли как одна из наиболее ярких ее страниц.

Гердер был горячим поклонником одного из лучших произведений Ж.-Ж. Руссо «Рассуждения о происхождении и причинах неравенства между людьми». Н. Г. Чернышевский считал этого мыслителя учеником и продолжателем Лессинга [10, с. 174].

В 1784 г. Гердер приступил к созданию основного труда «Идеи о философии истории человечества» (1784–1791) [11], предприняв дерзновенную по замыслу при тогдашнем состоянии науки попытку теоретически осмыслить весь процесс развития человечества на фоне предшествовавшего ему развития Вселенной – Солнечной системы, Земли, растительного и животного мира. Он опирался при этом на достижения и идеи в различных областях знания современного ему «философского века» – идеи «забытого, по его отзыву, человека» – Вико, Монтескье, Вольтера, Руссо, Дидро, Юма, Гиббона, Лессинга, Канта, Гёте и других зарубежных и немецких мыслителей, ученых-натуралистов и историков, писателей и поэтов – своих предшественников и современников [3, с. 17]. По мнению Р. Ю. Виппера, это давало Гердеру возможность, с одной стороны, подводить итоги уже сделанному, с другой – намечать в ряде случаев пути и перспективы дальнейшего развития исторической науки.

Двойственное положение Гердера – ярко выраженного просветителя и в то же время видного представителя лютеранского духовенства – приводило к тому, что он был не в состоянии избежать в общем подходе к задаче, которую ставил перед собой, ряда противоречий. «В физической природе мы никогда не ссылаемся на чудеса: мы замечаем законы, которые... действуют в ней всегда с равной силой, непреложностью и правильностью. Неужели же человечес-

кое царство... должно быть выключено из этой природной цепи?» – ставил вопрос Гердер [цит. по: 8, с. 38].

Но, поставив проблему и наметив единственно возможное направление правильного ее решения, Гердер не смог, однако, следовать ему, оставаясь на достигнутом к тому времени уровне знаний. Это – один из тех случаев, когда Гердер-просветитель отступал в сферу своего официального положения протестантского проповедника, апеллируя к столь устойчивой в Германии теологической традиции – к тому, что лишь «чудо нового творения» могло вызвать к жизни человеческий род, – что находилось в явном противоречии с его собственным заявлением, что чудес не бывает, что законы не только природы, но и общества носят естественный, причинно обусловленный характер. Это противоречие было подмечено М. М. Стасюлевичем в предпринятом им обзоре главных систем философии истории: «Эта часть системы Гердера напоминает собой первую половину мифа о Пигмалионе и Галатее. Гердер, как Пигмалион, устроил сначала великолепный пьедестал из физической природы и поставил на него человечество как безжизненную статую Галатее, добытую им из лучших материалов той же самой физической природы. Но этой статуе недоставало жизни. Кто же заставит ее выйти из своего оцепенелого состояния и сделать первый шаг мысли, которым откроется вся будущая бесконечная деятельность человека?... И Гердер, как Пигмалион, видит себя принужденным обратиться с этой просьбой к Юпитеру вдохнуть в свою Галатею движение жизни, и, таким образом, Галатее сходит со своего пьедестала...» [2, с. 205–206].

Рассматривая историю человечества как продолжение истории природы, Гердер поставил исходную проблему истории как истории человеческого общества: проблему перехода, проблему скачка от животного к человеку, в чем заключалась одна из его крупнейших научных заслуг.

Главная из идей Гердера – идея закономерного «генетического» и «органического» развития не только природы, но и преимущественно человечества. Идею эту он проводил и отстаивал, как никто до него. Ею пронизан основной труд Гердера, вся его научная деятельность в целом. Этот его вклад – важный шаг на пути к более полному, разностороннему, глубокому историзму от еще отвлеченного, абстрактного, схематичного и потому упрощенного представления французских просветителей, за исключением Руссо, о развитии как прямолинейном (хотя и с перерывами) прогрессе.

Опираясь на большой и разнообразный материал известных ему эпох и народов, Гердер окидывал взглядом длинный и тернистый путь, пройденный

человечеством. При этом подобно другим просветителям, он стремился доказать положение о неуклонном, при всех зигзагах и катастрофах, ходе истории по восходящей линии. Но, в отличие от французских рационалистов, он сводил прогресс не столько к успехам разума и просвещения, сколько к зарождению, росту, укреплению и распространению идеи гуманности. Под «гуманностью» он понимал все те человеческие начала, которые отличают человечество в целом от всего мира животных, возвышают каждого отдельного человека – в той мере, в какой он остается человеком, над любым зверем, очеловечивают людскую природу.

Впоследствии Р. Ю. Виппер будет упрекать Гердера за «оптимистический фатализм» [3, с. 88]. Но, допуская ряд противоречивых положений, неясных формулировок и терминов, последний недвусмысленно подчеркивал, что «история есть наука о том, что совершается в действительности, а не о том, что могло бы совершаться по тайным начертаниям судьбы». Понять любое историческое событие – значит, по мнению Гердера, включить его в систему естественной закономерности, «не подсовывая ему никакого провиденциального плана» [12, с. 262].

Опираясь на идеи Руссо, Гердер еще на раннем этапе своего творчества, в 1774 г., подвергал критике односторонность рационалистического понимания истории как прямолинейного прогресса, результатом которого оказывалось фактически то, что представляла собой шедшая на смену феодальной буржуазная цивилизация. Он иронизировал над философом, рассуждающим так, как если бы в истории «все шло по ниточке, и каждый следующий человек и каждое последующее поколение совершенствовалось бы в соответствии с его идеалом, в наилучшей прогрессии, для которой он один устанавливал бы показатели добродетели и счастья!» Тут, заключал свое рассуждение Гердер, «всегда в конце ряда оказывался бы он сам – последнее, высшее звено, на котором все заканчивается» [12, с. 282].

Основная заслуга Гердера заключалась в том, что он пытался сочетать просветительскую идею поступательного развития единого, по его глубокому убеждению, человечества с признанием самостоятельного значения и индивидуального своеобразия сменявшихся в ходе истории эпох и последовательно вступавших на ее арену народов. Развитие это составляло, по мнению Гердера, как бы единую цепь, каждое звено которой необходимо, будучи тесно связано с предыдущим и последующим. Каждый народ, используя достижения своих предшественников, подготавливал почву для преемников.

Эта идея получила отражение в обзоре главных систем философии истории М. М. Стасюлевича. «Человечество у Гердера, – писал Стасюлевич, – яв-

ляется путником, оставившим давно уже свою родину на востоке в Индии; оно идет сначала в Вавилон, отдыхает там и спешит снова далее на запад в Персию, Лидию и Египет; оттуда удаляется в Грецию; из Греции переходит к этрускам, римлянам, от последних к германцам; от германцев... Но мы это так же мало знаем, как мало знали римляне, куда направится человечество от них...» [2, с. 208].

Вслед за Вольтером и всеми, кто шел по его стопам в том же направлении, Гердер отвергал официальную, традиционную, в основном династическую историографию, сводившуюся к перечню имен, генеалогий, подвигов героев и государственных деяний. Но вместе с тем он противопоставлял свой проникнутый значительно большим историзмом социальный подход к прошлому сугубо индивидуалистическому и модернизаторскому взгляду английских экономистов и французских просветителей на историческое развитие. «Если бы я свел все в человеке к индивидууму и отрицал бы цепь взаимосвязей между людьми и индивидуума с целым, то мне осталась бы непонятной природа человека и его история», – подчеркивал Гердер [цит. по: 6, с. 86–87].

Людей сплачивает воедино культура, в которой находит свое выражение заложенное в человеке гуманное начало, развивающееся и прогрессирующее на всем протяжении истории, полагал Гердер. В понятие «культура» он включал не только язык и мышление, мифологию и религию, искусство и науку, но и всю трудовую, хозяйственную деятельность людей – охоту и рыболовство, скотоводство и земледелие, ремесла и промышленность, торговлю и сношения по суше и морю, все их общественные отношения – семью, собственность, право, господствующую церковь, ереси, города, государства, международные связи.

Возражая против попыток устанавливать «произвольные различия между культурой и просвещением» и подчеркивая, что «по-настоящему одно не может существовать без другого» [12, с. 244–245], Гердер наполнял это понятие конкретным социальным содержанием.

В контексте развития культуры в таком широком ее понимании Гердер рассматривал последовательные этапы всемирной истории, стремясь придать своему изложению «универсальный характер». Тем самым он закладывал основы одной из сильных сторон немецкой историографии. Традиция «универсального», всемирно-исторического подхода к прошлому человечества в неразрывной связи с его настоящим и с перспективами на будущее подхвачена была российскими исследователями.

Осуществить свою цель – дать подлинно универсальную философию истории – Гердер смог, разумеется, лишь в тех ограниченных пределах, в каких это

было достижимо при еще слабой изученности отдельных эпох, народов, континентов. На это он неоднократно обращал внимание историков, стимулируя тем самым разработку не только ряда проблем, но и целых отраслей исторической науки вообще, фольклористики, истории литературы и искусства – в частности.

В своих общих исторических построениях Гердер исходил из того, что «человеческий род» возник на Востоке, о чем свидетельствуют обнаруживаемые здесь очаги древнейших культур, языков, письменности. В связи с этим он подчеркивал назревшую не только в филологии, но и в истории задачу изучения санскрита, давая тем самым толчок последовавшему вскоре в Германии расцвету сравнительного языкознания.

Азия была, в глазах Гердера, родиной скотоводства, земледелия и общественных порядков, которые на этой основе возникали. Подчеркивая высокий для своего времени уровень культуры народов древней Азии, начиная с Индии, а не с так называемого «классического Востока», более близкого и знакомого эрудитам Европы по греческим, римским, древнееврейским источникам, Гердер связывал с этим зарождение здесь первых элементов науки.

Признание великого вклада народов Востока в общечеловеческую культуру в прошлом вытекало из общего гуманистического мировоззрения Гердера, мечтавшего о «гармонии наций» и неоднократно осуждавшего колониальную политику и колониальное порабощение.

Гердер отказался от безоговорочного преклонения Гёте и Шиллера перед древней Грецией. Он решительно возражал против отношения к греческому искусству, литературе, культуре как к единственному и всеобщему образцу, как к норме для всех времен и народов. «Мы никогда не достигнем прирожденного своеобразия греческого искусства: дух этих времен уже прошел», – писал он [12, с. 258].

Отдавая должное тому, как много успели сделать за несколько столетий греки и римляне, Гердер подходил вместе с тем критически к истории Греции и Рима. Жестокость, с которой афиняне расправлялись с побежденными и даже со своими колониями, грабежи и войны, в которых непрерывно принимали участие государства Греции, тяжелые повинности, которые должны были выполнять для государства даже его собственные граждане, не говоря уже о рабах, и еще многое другое – все это делало греческие государства не слишком привлекательными в глазах Гердера [12, с. 272].

Выступая против «философии конечных целей», рассматривавшей Рим «как некий мост, по которому до нас могло бы прийти хоть что-нибудь из сокровищ прошлого», Гердер констатировал: «Римляне разру-

шали и были разрушены; разрушители же не могут быть теми, кто сохраняет. Они сеяли среди народов войну и раздоры, пока сами не стали их жертвой...» [12, с. 262].

Значительным шагом вперед в выработке исторического подхода к Средневековью было несогласие Гердера с отрицательным отношением к этому периоду французских просветителей – одной из идеологических предпосылок назревавшей, а затем разразившейся во Франции революции. Он стремился показать их значение как необходимого и важного этапа в развитии культуры, стал первым опровергателем «черной легенды» Средневековья.

Хотя и сохраняя, во всяком случае формально, теологические основы своего мировоззрения, Гердер соглашался, однако, с оценкой Вольтером исторической роли церкви. Он разделял отрицательное отношение просветителей к церковности вообще, и особенно к догматам, в которых видел позор для человеческого разума. Византийская империя с ее господством церкви и догматов изображалась им, вслед за Вольтером, в мрачных тонах. Крестовые походы он называл «святой глупостью», «бешеным» предприятием, в котором участвовали распущенные шайки разбойников.

Всему этому Гердер противопоставлял то, в чем видел зародыши великого культурного движения, освобождавшего человечество от гнета церковной иерархии и схоластического богословия. Большую положительную роль он отводил влиянию арабской культуры. В самой Европе зачинателями этого движения Гердер считал, с одной стороны, ереси, с другой – города, эти «укрепленные лагеря культуры, мастерские труда и образцы правильного управления». В связи с этим Гердер высказывал сожаление, что еще не была создана в его время история средневекового ремесла, торговли, науки, искусства, призывал историков заняться их изучением.

Связующее звено между отошедшими в прошлое и грядущими цивилизациями Гердер видел в германской культуре: «После того как германские племена приняли христианство, они сражались за него, как за своих королей и за свою знать, и эту истинную воинскую верность в полной мере испытали на себе, кроме их собственных племен – алеманнов, тюрингов, баваров и саксов, – бедные славяне, пруссы, куры, ливы и эсты. К чести их надо сказать, что и против варваров, вторгшихся позднее, они стояли живою стеной, о которую разбилась неистовая ярость гуннов, венгров, монголов и турок. Они не только завоевали, обработали и устроили на свой лад большую часть Европы, но и защищали и заслоняли ее; иначе на ней не могло бы вырасти и то, что выросло. Их положение среди других народов, их военный союз и национальный характер стали фундаментом культуры, свободы

и безопасности Европы; но не явились ли они в то же время по своему политическому строю одной из причин замедленного развития этой культуры? На это ответит беспристрастный свидетель – история» [12, с. 265–266].

Но в то же время Гердер был непримиримым врагом всякого рода шовинистических проявлений своих соотечественников, откуда бы они ни исходили. Он готов был признать – хотя и с большими оговорками – исторические заслуги древних германцев, «но считать их из-за этого избранным народом божьим в Европе, которому вследствие его прирожденного благородства будто бы принадлежит мир и которому из-за этого преимущественно предназначены служить другие народы, – это было бы неблагородной гордыней варвара» [12, с. 269].

Еще при Карле Великом начались те завоевательные войны франков против славян, «целью которых явно были торговые выгоды, хотя они и велись якобы во имя христианской религии... Начатое франками довершили саксы; в целых провинциях славяне были истреблены или превращены в крепостных, а их земли поделены между епископами и дворянами» [12, с. 267].

С негодованием писал Гердер и о «судьбе прибалтийских народов», которая «составляет печальную страницу в истории человечества» в результате грабительского захвата рыцарями Тевтонского ордена их земель: «Человечество содрогается от зрелища крови, которая проливалась здесь в долгих свирепых войнах, пока древние пруссы не были почти совсем истреблены, а куры и латыши обращены в рабство, под игом которого они томятся и поныне» [12, с. 263–264].

Отношение Гердера к «народам вытесненным, порабощенным или истребленным», начиная со времен Карла Великого и вплоть до Фридриха II, нашло особенно яркое выражение в его исполненных горячего сочувствия отзывах о славянских народах, которым он предсказывал большое будущее.

С близких по существу позиций подходил Гердер и к взаимоотношениям между странами Европы и народами колоний, уподобляя судьбу «остатков» славян в Германии с судьбой, «которую уготовили испанцы жителям Перу» [11, с. 267]. «Безрассудно гордым было бы утверждение, что обитатели всех стран света должны стать европейцами, чтобы жить счастливо», – заявлял Гердер, которому чуждо было то, что получило позднее название «европоцентризма» [12, с. 242].

«Назовите мне страну, – писал он, – куда бы пришли европейцы и не запятнали бы себя на веки вечные перед беззащитным доверчивым человечеством своими притеснениями, несправедливыми войнами, алчностью, обманом, гнетом, болезнями и

пагубными дарами! Наша часть света должна была бы называться не самой мудрой на земле, а самой дерзкой, назойливой, торгашеской; не культуру несла она этим народам, а уничтожение зачатков их собственной культуры, где и как только возможно!» [12, с. 293].

Еще в самом начале своей литературной деятельности, около 1764 г., Гердер сформулировал мысль, ставшую девизом всего его творчества: «Философия, которая намеревается служить народу, должна поставить народ в центре своих проблем, даже если для этого потребуется изменить свою позицию настолько, насколько это сделано коперниковой системой в отношении системы Птолемея; зато какие плодотворные возможности откроются, когда вся философия станет антропологией» [6, с. 109–110].

В эпоху Гердера далеко еще не созрели условия для осуществления поставленной им задачи. Но демократизм, который лежал в основе трудов этого мыслителя при всем свойственном им и отчасти намеренно приданном автором теологическом налете, позволил Гердеру предугадывать то, что недоступно было не только его современникам, но и их преемникам из рядов академических ученых.

Так, в противоположность подавляющему большинству немецких историков и мыслителей своего и особенно последующего времени, с их государственным подходом к истории вплоть до обожествления государства, Гердер видел в нем машину угнетения, рожденную насилием и обреченную на исчезновение. «Любое государство как таковое есть машина, а у машины нет разума, по каким бы разумным образцам она ни была бы построена», – писал он в одной из глав своих «Идей», которая по цензурным соображениям не была включена в опубликованный текст. – «Самый лучший правитель тот, кто в меру своих возможностей способствует наступлению такого состояния, при котором человечеству наконец (когда же это будет?) не нужны будут никакие правители... Народу нужен господин до тех пор, пока у него нет своего разума: чем больше у народа... разума и способностей к самоуправлению, тем слабее должны становиться правительства, а под конец и совершенно исчезнуть» [цит. по: 6, с. 114].

Генезис современных ему абсолютистских государств и их феодально-крепостнической основы Гердер связывал с войной. «Орды варваров напали на эту часть света; их вожди и знать поделили между собой земли и людей. Отсюда возникли княжества и ленные владения; отсюда возникла крепостная зависимость поработанных народов», – указывал он. В результате всего этого «сильный берет то, что хочет, а слабый отдает или терпит то, чего он не в силах изменить» [12, с. 247].

Что касается народа, то о нем «мы думаем скорее с сожалением и грустью, чем с гордостью и уверенностью, – писал Гердер в оставшейся ненапечатанной в свое время первоначальной редакции «Писем для поощрения гуманности», этом непосредственном отклике на начавшуюся во Франции революцию. – Долгие столетия оставался он без воспитания, обманутый, угнетенный и заброшенный... Он спит мертвым сном, а если он проснется в горячке, то кто же не затрепещет в страхе перед его лихорадочной яростью?..» [12, с. 305].

Поэтому вначале Гердер восторженно приветствовал «грандиозную», по его выражению, Французскую революцию. Дальнейшее углубление революции сделало для него невозможными, по условиям его служебного положения в Веймаре как придворного проповедника, прямые высказывания на острые политические темы. В печатной редакции «Писем» политические проблемы уступают место педагогическим: морального и общественного воспитания, распространения «гуманности» путем обращения к примерам из современности и исторического прошлого [9, с. L – LI].

Видное место в деятельности Гердера занимали его труды по изучению народного эпоса, народных песен и народной поэзии, в которых он, выступая и в данном случае первопроходцем, видел «архив народной жизни». Влияние этих его трудов было особенно велико и длительно как в научном, так и в общественном плане не только в Германии, но и за ее пределами, в частности, в славянских странах и в России.

Таким образом, можно отметить влияние творчества немецкого мыслителя на проблематику исследований российских всеобщих историков. Несомненно, что их подход к прошлому перекликался с идеями, высказанными И. Г. Гердером.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петров М. Н. Новейшая национальная историография в Германии, Англии, Франции : сравнительный историко-библиографический обзор / М. Н. Петров. – Харьков, 1861.
2. Стасюлевич М. М. Опыт исторического обзора главных систем философии истории / М. М. Стасюлевич. – СПб., 1866.
3. Виппер Р. Ю. Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. / Р. Ю. Виппер. – СПб., 1900.
4. Пыпин А. Н. Гердер / А. Н. Пыпин // Вестник Европы. – 1890. – № 3/4.
5. Вайнштейн О. Л. Историография средних веков / О. Л. Вайнштейн. – М.; Л., 1940; Косминский Е. А. Историография средних веков / Е. А. Косминский. – М., 1963.
6. Гулыга А. В. Гердер / А. В. Гулыга. – М., 1963.

7. Гулыга А. В. *Немецкая классическая философия* / А. В. Гулыга. – М., 1986.

8. Кон И. С. *Проблема истории в истории философии // Методологические и историографические вопросы исторической науки* / И. С. Кон. – Томск, 1966. – Вып. 4.

9. Жирмунский В. М. *Жизнь и творчество Гердера* / В. М. Жирмунский // Гердер И. Г. *Избранные сочинения*. – М.; Л., 1959.

10. *Чернышевский Н. Г. Лессинг, его время, его жизнь и деятельность* / Н. Г. Чернышевский // Чернышевский Н. Г. *Полн. собр. соч.* – М., 1948. – Т. IV.

11. *Русский перевод: Гердер И. Г. Идеи о философии истории человечества* / И. Г. Гердер. – М., 1977.

12. *Русский перевод: Гердер И. Г. Избранные сочинения* / И. Г. Гердер. – М.; Л., 1959.

Воронежский государственный университет

Афонюшкина А. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории средних веков и зарубежных славянских народов

E-mail: medieval@hist.vsu.ru

Тел.: 8(473)224-75-14

Voronezh State University

Afonushkina A. V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of History of the Middle Ages and the Foreign Slavic People Departmenrt

E-mail: medieval@hist.vsu.ru

Tel.: 8(473)224-75-14